

УДК 82-3

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-169-175

Архетипический мотив хаоса в сюжетной структуре повести А. П. Чехова «Убийство»

Л. Н. Синякова

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Исследуется функционирование архетипического мотива хаоса в повести А. П. Чехова «Убийство» (1895). Мотив хаоса организует сюжетное повествование. Его динамика манифестирует проникновение хаоса в базовые структуры жизни, такие как семья, вера и персональное самоопределение. Помимо того, мотив хаоса репрезентирован в мотивике состояния и пространства – в мотивах «смятенной» природы, потерявшего статус безопасного места дома и, наконец, каторги. Основное событие повести концептуально и композиционно обусловлено мотивом «отпадения от веры», являющегося вариантом мотива хаоса. Грехом богоотступничества отмечены ведущие персонажи – Тереховы. Центральное фабульное событие – убийство – обусловлено столкновением гордыни братьев и сестры Тереховых. Хаос-субстанция (природа, пространство) и хаос-психологическая деструкция интегрированы в единый мирообраз. Обретение веры старшим Тереховым становится сюжетным завершением повести. Повествование заканчивается фиксацией состояния природы, несущего «хаотическую» семантику. В смысловой перспективе изображенного мира восстанавливается равновесие порядка и хаоса.

Ключевые слова

архетипический мотив, хаос, богоотступничество, мотивика природы, мотивика пространства

Для цитирования

Синякова Л. Н. Архетипический мотив хаоса в сюжетной структуре повести А. П. Чехова «Убийство» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология. С. 169–175. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-169-175

Archetypal Motif of Chaos in the Plot Structure of A. P. Chekhov's Story *The Murder*

L. N. Sinyakova

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article examines the representation of chaos motif, which is the most general one among archetypal motifs, in A. P. Chekhov's *The Murder* (1895). Chaos motif arranges the plot structure, being represented in its variants, such as misbelief and nature and space disorder.

In *The Murder*, the central event is determined by mental disorders of characters. Each of them stands on their unique religious outlook. Matvei Terekhov teaches his cousin Yakov to accept the fundamental rules of Church, but he is not always true to his beliefs, too. The true reason of murder is hate towards each other, including Yakov's sister Aglaya – it is a hate crime, which represents total moral destruction.

Matvei's death awakens new feelings in Yakov's perception. Now he understands what suffering is. As he looks at prisoners, he gains his faith. All he wants to ask is why it was so hard to reveal the truth.

Besides chaotic existence problems, three other types of archetypal motifs are realized. These are the following: natural chaos, spatial chaos, and unsafe home. Nature stands between winter and spring, and it is time for spring to arrive. This causes disorder all around, and makes Matvei feel anxious and frustrated.

Space semantics also explicate chaos, especially in the final scene, in which Yakov tries to extrapolate his actual Sakhalin experience on his previous life. The narrative is based on spatial concepts here.

And, finally, the symbol of home loses its meaning of safety in the semantic structure of the story. It turns out to be somebody's else but not the family's. And it causes panic fears among its habitants. Fear is one of basic reflexes on chaos extension.

We conclude that the archetypal motif of chaos connects the plot levels, such as the murder event, lack of faith in the main characters, nature, space, and disorder at home. Thus, it is proven to be the motif core of the story.

Keywords

an archetypal motif, chaos, lack of faith, nature motifs, space motifs

For citation

Sinyakova L. N. Archetypal Motif of Chaos in the Plot Structure of A. P. Chekhov's Story *The Murder*. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 9: Philology, p. 169–175. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-169-175

Введение

Архетипический мотив определяется как высказывание, формирующее смысловое ядро литературного произведения: «...некий микросюжет, содержащий предикат (действие), агенса, пациенса и несущий более или менее самостоятельный и достаточно глубокий смысл» [Мелетинский, 1994. С. 54]. Одним из базовых архетипических мотивов является мотив хаоса; парадигматически парным к нему выдвигается мотив космоса (порядка). Хаос может быть определен как смешение и неразличение разнородных субстанций: «...первоначальное состояние неорганизованной материи, из которого создается новый порядок бытия путем проявления скрытых сущностей. <...> хаос выступает как то, что включает все противоположные силы в недифференцированном состоянии. <...> Он был также идентифицирован с бессознательным. Но с большим основанием хаос можно рассматривать как состояние, предшествующее бессознательному» [Жерлот, 1994. С. 543].

В. Н. Топоров формулирует мифопоэтическую концепцию хаоса, в которой также подчеркивает его энтропийность: «К характеристикам хаоса, регулярно повторяющимся в самых разных традициях, относится связь хаоса с водной стихией, бесконечность во времени и пространстве, разъятость вплоть до пустоты или, наоборот, смешанность всех элементов (аморфное состояние материи, исключаящее не только предметность, но и существование стихий и основных параметров мира в раздельном виде), неупорядоченность и, следовательно, максимум энтропических тенденций, т. е. абсолютная изъятость хаоса из сферы предсказуемого (сплошная случайность, исключаящая категорию причинности), иначе говоря, предельная удалённость от сферы “культурного”, человеческого, от логоса, разума, слова и, как следствие, – ужасность, мрачность. Но, возможно, важнейшая черта хаоса – это его роль лона, в котором зарождается мир, содержание в нем некоей энергии, приводящей к порождению» [Топоров, 1988. С. 581]. Энергия распада в субстанции хаоса генерирует возможные новые конструкции универсума. Отсылая к названию книги И. Пригожина, мы наблюдаем появление порядка из хаоса [Пригожин, Стенгерс, 1986]. Парность универсалий порядка и хаоса является одним из миромоделирующих условий в логоцентрических системах. Литература, являясь одной из форм репродуцирования Логоса, воспроизводит, в том числе, корреляцию этих универсалий – в символической, мотивической, мифопоэтической и подобных структурах художественного текста.

Результаты исследования

Мотивная экспрессия сюжета повести А. П. Чехова «Убийство» (1895) может быть описана как проникновение хаоса в фундаментальные структуры жизни, такие как семья, персо-

нальное самоопределение и религиозность. Фабульно универсалия хаоса аккумулирована в центральном событии – убийстве братом и сестрой Тереховыми их двоюродного брата Матвея. Мотив хаоса стягивает в пучок комплементарные мотивы богоотступничества, поисков веры и преступления.

В сюжетной композиции история Матвея Терехова занимает первые две главы, в третьей она инкорпорируется в историю всего шаткого в вере рода Тереховых, в четвертой и пятой (в которой происходит убийство) «носителем основного события» (М. М. Бахтин) является Яков Терехов. В заключительной, седьмой, главе Яков на Сахалине обретает веру. Отметим, что последовательность в развертывании сюжетного высказывания подтверждает преобладание в семиоэстетической архитектонике текста «хаографии» над «космографией».

Темпоральная семантика в повести манифестирует план покаяния и усмирения гордыни: основное действие происходит во время Великого поста. Фиксируются канун Благовещенья, затем самый праздник Благовещенья; убийство происходит в страстной понедельник. Вопреки этико-религиозному императиву сюжетного времени в фиктивной реальности наблюдается эскалация греховности всех персонажей.

Так, Матвей Терехов осуждает Якова за проявление гордыни: «Признаться, не люблю я брата. <...> Человек он надменный, суровый, ругательный, для своих родственников и работников мучитель, на духу не бывает» [Чехов, 1985. Т. 9. С. 134]¹. В церковь брат не ходит, продолжает Матвей, потому что утверждает, что в одной «поп картежник», а в другой «священник курит и водку пьет». Он порицает старших Тереховых: «Не любит духовенства! Сам себе и обедницу служит, и часы, и вечерню, а сестрица ему вместо дьячка» (с. 134). Однако сам Матвей, демонстрируя немалую гордыню, постоянно вмешивается в эти псевдорелигиозные «деяния» с призывом: «Образумьтесь, братец! Покайтесь, братец!» (с. 134, 145, 152), и всегда «от этих слов Якова Иваныча бросало в жар, а Аглая (сестра. – Л. С.) <...> начинала браниться» (с. 145). Проповедническая интенция Матвея подкрепляется неверными ссылками на Евангелие, причем на протяжении повествования неоднократно фиксируется речевая безграмотность обличающего, что в немалой степени дискредитирует его учительные претензии². «Братец, ваша молитва не угодна Богу. Потому что сказано: прежде смиришь с братом твоим, и тогда пришед принеси дар твой. Вы же деньги в рост даёте, водочкой торгуете. Покайтесь!» – взывает Матвей (с. 145). Приведенные слова представляют собой неточную цитату из Нагорной проповеди: «Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойдешь, прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой» (Матф., 5: 23–24)³.

Из исповедального рассказа Матвея известно, что, будучи рабочим изразцового завода, он поддавался на искушение «лукавого беса» (с. 139), захотел стать праведнее монахов, «держался устава святой Афонской горы» (с. 139), устроил молельную за городом и обрел славу святого и целителя. «Никого я, конечно, не исцелял, но известно, как только заведется какой раскол и лжеучение, то от женского пола отбоя нет» (с. 139); «прихожанки» хлынули в это потаенное место, и постепенно образовалась секта, наподобие молокан, как решил слушавший эту историю жандарм Жуков (с. 140). Кончилось все наставлением от хозяина завода, Осипа

¹ В дальнейшем ссылки на этот том приводятся в тексте. В скобках указывается страница.

² Например, «... чтоб людей послушать, об леригии поговорить», «Я <...> еще в малолетстве был привержен леригии» (с. 135, 138), «Сию книгу читал я, Матвей Терехов, и нахожу ее из всех читанных мною книг самую лутшею, в чем и приношу мою признательность <...> Кузьме Николаевичу Жукову, как владельцу оной бесценной книги» (с. 137).

³ Интересна замена в воззвании Матвея Терехова лексемы «примириться» на лексему «смириться», значения которых не тождественны. Ср.: примириться – «прекратить состояние ссоры, вражды между кем-либо; терпимо относиться к чему-либо <...>»; смириться – «становиться покорным, послушным, переставать упорствовать, примиряться с чем-либо, покориться силе обстоятельств. Смирить свою гордость, высокомерие» [Ефремова, 2000]. Невольная замена слов может косвенно указывать на потаенное желание младшего Терехова доминировать над непокорным братом.

Варламыча: «Будь <...> обыкновенным человеком, ешь, пей, одевайся и молись, как все, а что сверх обыкновения, то от беса. Вериги <...> твои от беса, посты твои от беса, молельня твоя от беса; все, говорит, это гордость» (с. 140–141). На другой день, в чистый понедельник, Матвей Терехов, по его воспоминаниям, надорвался, был при смерти, а по выздоровлении «отговелся по-настоящему и стал опять человеком»: «И я теперь ем и пью, как все, и молюсь, как все...» (с. 141).

Сюжет «отпадения от веры», с одной стороны, Матвея, декларирующего свою «обыкновенность», но присвоившего себе роль духовного наставника старших Тереховых; с другой стороны, Якова и Аглаи, которых «не любили, потому что когда кто-нибудь верует не так, как все, то это неприятно волнует даже людей равнодушных к вере» (с. 142), – контекстуально обусловлен историей всего их неустойчивого в исповедании канонической веры рода, начиная с прабабки героев: «Тереховы вообще всегда отличались религиозностью, так что им даже дали прозвище – Богомолы. Но <...> оттого, что они жили особняком, как медведи, избегали людей и до всего доходили своим умом, они были склонны к мечтаньям и к колебаниям в вере, и почти каждое поколение веровало как-нибудь особенно» (с. 143). Матвей «с самого детства боролся с мечтаньями и едва не погиб»; Яков Иванович «после смерти жены вдруг перестал ходить в церковь и молился дома. На него глядя, совратилась и сестра Аглая»; дочь Якова Дашутку она также не пускала в церковь (с. 143, 144). В хаотическое дробление «вер» устремляется ментальная энергия потомков Авдотьи Тереховой, которая, в свою очередь, придерживалась «старой веры» (с. 143).

Яков чтит свою веру как начало упорядочивающее, организующее жизнь, равнопротяженную последовательности ритуальных директив, своего рода жизненное расписание: «Он читал, пел, кадил и постился не для того, чтобы получить от Бога какие-либо блага, а для порядка. Человек не может жить без веры, и вера должна выражаться правильно, из года в год, изо дня в день в известном порядке, чтобы каждое утро и каждый вечер человек обращался к Богу именно с теми словами и мыслями, какие приличны данному дню и часу» (с. 144). «Нужно жить, а значит, и молиться так, как угодно Богу, и поэтому каждый день следует читать и петь только то, что угодно Богу, то есть что полагается по уставу <...>» (с. 144).

Вмешательство обличающего Матвея означало в восприятии Якова нарушение установленного порядка: «...хотя слова брата считал он пустяками, но почему-то и ему в последнее время тоже стало приходить на память, что богатому трудно войти в царство небесное, что в третьем году он купил <...> краденую лошадь, что <...> какой-то пьяница умер у него в трактире от водки...» (с. 145). В стремлении восстановить покой он и устраняет Матвея. Поводом явилась сопровождаемая обычными упреками в маловерии просьба последнего дать ему немного постного масла. Прекрасно осознавая неизбежность наказания, Яков не может принять того, что его с Аглаей поведут на суд, а все будут указывать на них и «весело говорить», что «Богомолых ведут!», и ему «хотелось <...> пережить этот срам не теперь, а когда-нибудь после» (с. 154). Желание обнаруживает гордыню, свойственную Якову и до убийства, и подтверждает неизменность его самоощущения – противонаправленную гармонию систему этических установок.

Только на каторге Яков обретает разрушенную им самим гармонию: «С тех пор, как он пожил в одной тюрьме вместе с людьми, пригнанными сюда с разных концов, – с русскими, хохлами, татарами, грузинами <...>, и с тех пор, как прислушался он к их разговорам, наглядывая на их страдания, он опять стал возноситься к Богу, и ему казалось, что он наконец узнал настоящую веру, ту самую, которой так жаждал и так долго искал и не находил весь его род, начиная с бабки Авдотьи. Всё он уже знал и понимал, где Бог и как должно ему служить, но было непонятно только одно <...>, почему эта простая вера, которую другие получают от Бога даром вместе с жизнью, досталась ему так дорого <...>?» (с. 160). Таким образом, преодоление хаоса, этическим эквивалентом которого в структуре личности персонажа является гордыня, а религиозно-этическим – грех самости, – возможно как опыт собственного и приобщение к чужому страданию.

Остальные персонажи, включая Матвея, перед гибелью впавшего в свой излюбленный учительный тон, хотя, по его признанию, «не дал Бог» ему «дара» (с. 141), – не постигли значения страдания. Каторга не изменила образа мыслей ни Аглаи, ни Дашутки, ни случайного свидетеля, виновного в недоносительстве за определенную мзду, – буфетчика Сергея Никанорыча. Эти персонажи, нимало не изменившись, остались в архетипической зоне «хаоса».

Мотив хаоса организует в повести и внеперсональную сферу. По наблюдению Ю. В. Доманского, «в целом ряде мотивов архетипическое значение актуализируется всегда, вне зависимости от ситуации». Таковы «мотивы, связанные с описанием природы, стихий мироздания; мотивы, непосредственно соотносимые с циклом человеческой жизни, ключевыми моментами и категориями в жизни человека; мотивы, характеризующие положение человека в пространстве» [Доманский, 2001. С. 28].

Убийство Матвея, составляющее «внезапный поворот» в сюжетной структуре, соответствует второй группе указанных мотивов, перемещение Якова из дома на каторгу, где он в последнем эпизоде вглядывается «в ту сторону, где была родина» (с. 160), соотносится с третьей группой, но самые сильные позиции в хаотизации витального пространства в сюжете повести занимает состояние природы.

Время великого поста описывается как задержавшаяся зима, смешение, неразличение зимы и весны. «А весна в этом году поздняя <...> Оно и лучше, я не люблю весны. Весной грязно очень <...>. В книжках пишут: весна, птицы поют, солнце заходит, а что тут приятно? Птица и есть птица и больше ничего. Я люблю хорошее общество, чтоб людей послушать, <...> а эти там соловьи да цветочки – Бог с ними!» – признается Матвей, обнаруживая крайнюю глухоту к красоте мира и, соответственно, нечувствительность к гармонии – космосу (эмотивная и ценностная аннигиляция гармонического) (с. 136). «А как нарочно, каждый день, несмотря на то что уже был конец марта, шел снег и лес шумел по-зимнему, и не верилось, что весна настанет когда-нибудь» (с. 146). «Мороза не было, и уже таяло на крышах, но шел крупный снег; он быстро кружился в воздухе, и белые облака его гонялись друг за другом <...>. А дубовый лес <...> издавал суровый, протяжный шум. Когда сильная буря качает деревья, то как они страшны!» (с. 136). Архетипически страх соотносится с проникновением хаоса / мрака в мир живых существ: «С остатками Хаоса на земле связан ужас, страх, порождаемый тьмой, ночью, бесформенностью, отсутствием надёжных границ между человеком и царством Хаоса» [Топоров, 1988. С. 582]. Страх определяется как психологическая эманация стихии хаоса.

Тут же Матвею мерещится «мужик с окутанною головой, тоже весь белый», но, когда он оглянулся, «уже не было ни саней, ни мужика, как будто всё это ему только примерещилось, и он ускорил шаги, вдруг испугавшись, сам не зная чего» (с. 136). А между тем около шлагбаума «намело целые горы, и, как ведьмы на шабаше, кружатся облака снега» (с. 136). Двойное видение – сигнал распада, раздробления физической предметности – коррелирует с неопределённым, сумеречным состоянием природы.

На Сахалине, в последнем эпизоде повести, пейзаж воспроизводит хаотическое состояние действительности в ее пространственном аспекте: «Налево был едва виден высокий крутой берег, чрезвычайно мрачный, а направо была сплошная, беспросветная тьма, в которой стояло море, издавая протяжный, однообразный звук...» (с. 159). Природа индуцирует хаос, и восприятие Якова актуализирует пространственные и ценностные значения беспорядка: он «вглядывался напряженно в потемки, и ему казалось, что сквозь тысячи вёрст этой тьмы он видит родину, видит родную губернию, свой уезд, Прогонную (станцию. – Л. С.), видит темноту, дикость, бессердечие и тупое, скотское равнодушие людей, которых он там покинул <...> и хотелось жить, вернуться домой, рассказать там про свою новую веру и спасти от гибели хотя бы одного человека <...>» (с. 160). Вопреки самоощущению Якова, обретшего веру, пространство вокруг него заряжено тьмой и хаосом: «Было слышно, как на пароходе убрали якорную цепь. Дул уже сильный, пронзительный ветер, и где-то вверху на крутом берегу скрипели деревья. Вероятно, начинался шторм» (с. 160). Конец повести отме-

чен «штормовой» (хаотической) семантикой, прогнозирующей новый цикл распада – беспорядка.

Репрезентация образа дома в повести как пространственного объекта также обнаруживает вторжение хаоса в упорядоченное пространство. Напомним: дом, как архетипический образ, – это «замкнутое, отгороженное от внешнего мира “свое” пространство, символизирующее покой, безопасность, уют, благополучие и согласие в семье, достаток и т. п.» [Пыхтина, 2014. С. 13]. Дом в пространственной организации сюжета повести «заряжен» двойственностью, как и окружающая героев действительность (деньги у Якова есть, но их, как оказалось, почти и нет; молитвы в доме читаются, но провоцируют ссоры и вызывают зло, Матвей гордится своей религиозностью, но чрезмерно печется о теле, и пр.).

Повествователь сообщает, что в здании будто кто-то еще обитает, внося ощущение разделенности пространства, создавая локус чужого и страшного. В нейтральном повествовании описывается, что на пустом втором этаже трактира постоянно стучит и гудит ветер, «и казалось, что кто-то бегал, спотыкаясь о балки» (с. 137). В восприятии Якова, в свою очередь, «погода располагала и к скуке, и к ссорам, и к ненависти, а ночью, когда ветер гудел над потолком, казалось, что кто-то жил там наверху, в пустом этаже...» (с. 146). После убийства пустой этаж снова «оживает», на этот раз в фокусе трех персонажей: «Перед тем, как ложиться, Богу не молились и лампад не зажигали. Все трое (Яков, Аглая и Дашутка. – Л. С.) не спали до самого утра, но не промолвили ни одного слова, и казалось им всю ночь, что наверху в пустом этаже кто-то ходит» (с. 156). Дом не воспринимается как место покоя и безопасности, и стихия хаоса проникает в это знаковое пространство.

Заключение

Таким образом, в изучаемой повести мотив хаоса реализуется в качестве универсального принципа деконструкции мира, а имплицитно присутствующий, как обычно в бинарных миромоделирующих системах, архетипический мотив космоса содержательно свернут и выдвигается только в конце в качестве сюжетной перспективы – в эволюции мировоззрения Якова. Однако равновесие двух начал потенцируется именно наличием этой перспективы.

Список литературы

- Доманский Ю. В.** Словообразующая роль архетипических значений в литературном тексте: Пособие по спецкурсу. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 94 с.
- Ефремова Т. В.** Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения 30.04.2019).
- Керлот Х. Э.** Словарь символов. М.: REFL-book, 1994. 608 с.
- Мелетинский Е. М.** О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994. 136 с.
- Пригожин И., Сенгерс И.** Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
- Пыхтина Ю. Г.** Функционально-семантическая типология пространственных образов и моделей в русской литературе XIX – начала XXI в.: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 30 с.
- Топоров В. Н.** Хаос // Мифы народов мира: В 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1988. Т. 2. С. 579–582.
- Чехов А. П.** Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. М.: Наука, 1985. Т. 9. 543 с.

References

- Chekhov A. P.** Polnoe sobranie sochinenii i pisem. V 30 t. Sochineniya. V 18 t. [Complete Works and Letters in 30 vols. Works in 18 vols.]. Moscow, Nauka, 1985, vol. 9, 543 p. (in Russ.)

- Domansky Yu. V.** Smysloobrazuyushchaya rol' arkhетипических значений v literaturnom tekste [Semantic Role of Archetypal Meanings in Literary Texts]. Tver, Tver University Publ., 2001, 91 p. (in Russ.)
- Efremova T. V.** Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi [New Russian Word-Formative Vocabulary]. Moscow, Russian Language Publ., 2000. URL: <https://www.efremova.info/> (accessed 30.04.2019). (in Russ.)
- Kerlot H. E.** Slovar' simvolov [The Symbol Glossary]. Moscow, REFL-book Publ., 1994, 608 p. (in Russ.)
- Meletinskii E. M.** O literaturnykh arkhетипakh [On Literary Archetypes]. Moscow, Russian State Humanities University Publ., 1994, 136 p. (in Russ.)
- Prigozhin I., Stengers I.** Poryadok iz khaosa: Novyi dialog cheloveka s prirodой [Order out of Chaos. Man's New Dialogue with Nature]. Moscow, Progress Publ., 1986, 432 p. (in Russ.)
- Pykhtina Yu. G.** Funktsionalno-semanticheskaya tipologiya prostranstvennykh obrazov i modelei v russkoi literature XIX – nachala XX v. [The Functional and Semantic Image and Model Typology in Russian Literature of 19th – Early 20th Century]. Dr. phil. sci. syn. diss. Moscow, 2014, 30 p. (in Russ.)
- Toporov V. N.** Khaos [Chaos]. Mify narodov mira [Myths of the People of the World]. In 2 vols. Moscow, Soviet Encyclopaedia Publ., 1988, vol. 2, p. 579–582. (in Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
15.05.2019*

Сведения об авторе

Синякова Людмила Николаевна, доктор филологических наук, профессор НГУ (ул. Пирогова, 1. Новосибирск, 630090, Россия)
scholast@ngs.ru

Information about the Author

Lyudmila N. Sinyakova, Dr of Philology, professor at Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
scholast@ngs.ru